

Ирина Кондратенко

«Русский Витрувий»: переводы, комментарии, публикации XVIII–XXI веков. Часть II. «Критические издания»¹ *De architectura*

Вторая часть статьи посвящена анализу критических изданий *De architectura*, появившихся в отечественном и зарубежном искусствознании в XIX–XX веках. Задачи статьи: осмыслить и расшифровать новые научные подходы в изучении трактата, возникшие в истории витрувианства во второй половине XIX — первой трети XX века, выявить принципиальные особенности появившихся «критических версий» Витрувия, представить сравнительный анализ первого научно-критически переработанного русскоязычного перевода и комментариев Витрувия в редакции Всесоюзной академии архитектуры с аналогичными западными публикациями второй половины XIX — первой трети XX века.

Ключевые слова:

Витрувий, «Десять книг об архитектуре»,
Всесоюзная академия архитектуры,
Валентин Розе, Фридрих Крон,
Василий Зубов.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи² были представлены реконструкция отечественной витрувианской истории XVIII века и анализ «донаучного» этапа витрувианской экзегезы. Исследование было сосредоточено на рассмотрении ранних русскоязычных переводов и публикаций, а также на их сопоставлении с западноевропейскими версиями Витрувия XVI–XVIII веков. Издания этого периода отличались свободой авторской интерпретации, произвольной редактурой трактата и преследовали цель осмыслить античный текст как набор готовых архитектурно-строительных «рецептов» и «практическое пособие» в подготовке профессиональных архитекторов, приблизив его к задачам актуальной архитектурной теории и практики своего времени. Вторая часть статьи посвящена следующей фазе, основанной на научно-критическом осмыслении текста Витрувия и новой научной методологии. Рассмотрение вопроса целесообразно начать с анализа первых критических изданий трактата, появившихся в Европе во второй половине XIX — первой трети XX века. Именно такая последовательность позволит понять специфику новейших научных методов в изучении трактата, зародившихся в западноевропейской культуре и воспринятых русской витрувианской школой уже в начале XX столетия.

I. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ НАУЧНО-КРИТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ВИТРУВИЯ

В XIX веке в Германии и отчасти в Италии начался активный процесс, характеризующийся «критическим подходом» в изучении *De architectura*.

- 1 Термин, которым пользовались отечественные ученые, работавшие над переводом и комментариями к трактату Витрувия в 1936 году. См.: [2, с. 14; 11, с. 17].
- 2 См.: Кондратенко И. «Русский Витрувий»: переводы, комментарии, публикации XVIII–XXI веков. Часть I. XVIII век // Искусствознание. 2023. № 4. С. 136–165.

Он базировался на пересмотре латинских первоисточников античного сочинения, методологии историзма и развитии архитектурной науки и филологии. Этот подход характеризуется переходом от практической актуализации положений Витрувия к исследованию античного трактата как исторического источника и научному анализу его текста и концепции. Основная задача ученых состояла в том, чтобы «очистить» трактат Витрувия от «наслоений Ренессанса и Просвещения» и сосредоточиться на изучении подлинного сочинения.

Истоки этого явления сопряжены с осознанием того, что манера «свободного» толкования трактата, сложившаяся в XV–XVIII веках, привела к ситуации, когда *De architectura* фактически утратила изначальные смыслы, и за многочисленными художественными, порой весьма экстравагантными интерпретациями, уже был не слышен голос самого Витрувия. Во второй половине XVIII столетия в Европе на смену вольным комментированным переводам постепенно начинают приходиться издания, приближенные к научным. Наиболее прогрессивные исследователи обращаются к первоисточникам Витрувия, идет пристальное изучение латинских списков трактата, подкрепленное критико-филологическими изысканиями. Метод, зародившийся во второй половине XVIII столетия и основанный на скрупулезном анализе первичных документов и витрувианской литературы, в XIX веке становится главным научным направлением в познании Витрувия и будет занимать ученых на протяжении этого и последующих столетий.

Не менее серьезную роль в этом процессе сыграл раскол западных исследователей на два лагеря. Одни специалисты утверждали, что положения Витрувия соответствуют археологическим данным, другие — указывали на археологические, технические и литературные несоответствия в его работе. Эти разногласия породили вопрос о первоисточниках трактата Витрувия, поставив под сомнение априорность предыдущих латинских списков, используемых в XV–XVIII веках.

В XIX столетии вышло восемь новых критически переработанных изданий Витрувия, построенных на тщательном подборе древних латинских кодексов трактата и серьезной научной работе по формированию генеалогического древа рукописных текстов античного сочинения. Значительную работу в этом направлении проделали такие ученые, как О. Роде (1800–1801), Г. Шнайдер (1807–1808), Д. Полени–С. Стратико–Д. Понтедера (1825–1830), Л. Марини (1836), С. Лоренцен (1857), В. Розе (1867, 1899), Г. Ноль (1876), Ф. Крон (1912). Однако ведущая роль в этом спи-

ске, несомненно, принадлежит немецким исследователям — Валентину Розе и Фридриху Крону.

На базе вышеперечисленных публикаций в начале XX столетия в Европе появились новые переводы и комментарии к Витрувию, подготовленные: О. Шуази (1909), М. Морганом (1914), Ф. Грейнджером (1931–1934) и другими авторами. За ними во второй половине XX века последовали новейшие работы С. Ферри (1960), К. Фенстербуша (1964), Д. Соубирана (1969), Л. Каллеба (1973). Эти ученые, предприняв дополнительные историко-текстуальные исследования, показали очевидные ошибки и недостатки прежних изданий Витрувия, а также поставили под сомнение ряд утверждений, выдвинутых более ранними критиками трактата. Современные европейские исследователи Витрувия продолжают текстологическую работу с его трактатом, и за последние десятилетия появилось несколько новых критических изданий *De architectura*. Среди них наиболее востребованным считается комментированный английский перевод под редакцией Ингрид Д. Роулэнд.

Витрувий в редакции В. Розе и Ф. Крона

Обратившись к детальному изучению практически всех вышеперечисленных критических изданий Витрувия, в настоящей работе была поставлена задача: выяснить, в чем принципиальная суть этих текстов и кардинальное отличие от предыдущих публикаций и переводов Витрувия. Свой анализ я сосредоточила на изданиях Валентина Розе, поскольку именно этот автор, используя задел ранних исследователей — Роде, Полени, Шнайдера, Лоренцена, Марини и других, — представил качественно новый текст Витрувия, легший в основу практически всех последующих европейских переводов и комментариев античного сочинения. Трактат *De architectura* в редакции Розе 1867 года [36] принято считать первым научным изданием Витрувия [27, pp. 173–209].

Доктор филологии Валентин Розе руководил рукописным отделом Королевской библиотеки Берлина и занимался текстологической критикой античных рукописей, идентифицируя различные текстовые варианты манускриптов и печатных книг. Поскольку подлинники многих из них утрачены или варьируются от самых ранних источников до различных авторских версий, то работа текстолога заключается в реконструкции первоначального материала и создании текста, максимально приближенного к оригиналу. Используя доступные рукописные версии Витрувия, Розе приступил к восстановлению исходного текста

трактата на основе имеющихся древних списков. Следует напомнить, что оригинал рукописи трактата Витрувия не сохранился. До наших дней дошли только рукописные копии античного сочинения. В наиболее документированный и обоснованный каталог К. Крински [28] включено 78 латинских рукописных манускриптов *De architectura* эпохи Средневековья и Ренессанса.

Итогом работы Розе стало первое полное научно-критическое издание Витрувия, вышедшее в Лейпциге в 1867 году. Книга была выпущена в издательстве Б. Г. Тойбнера, известного своей классической серией под названием «Библиотека Тойбнера». Серия, основанная в 1849 году, и сегодня специализируется на выпуске критических изданий греческих и латинских текстов, составленных ведущими учеными, превратилась в одну из самых почитаемых и обширных научных библиотек мира. Все издания этой серии, цель которой дать наиболее точный оригинальный текст, выходят с полным научным аппаратом и представляют в сжатой форме историю и методологию реконструкции того или иного древнего источника. Поскольку книги предназначаются для профессиональной аудитории, их полные версии печатаются на латыни, включая авторские предисловия и пояснения.

Именно по такому принципу был составлен Витрувий в редакции Розе. Книга содержала предисловие, примечания, сам текст на латинском языке, а также научно-критический аппарат с организованной системой обозначений: сноски, стандартизированные аббревиатуры для исходных рукописей, символы для обозначения проблемных частей и ошибок сочинения.

Розе поясняет, что исследователи не располагают римским подлинником Витрувия с автографом античного автора, а имеющиеся рукописные тексты происходят от оригинала через некоторое число промежуточных копий. Именно от такого источника, ныне утерянного, идет имеющийся сегодня текст трактата «Десять книг об архитектуре». В самом начале XIX столетия одни из первых критиков трактата — Шнайдер, Полени, Лоренцен, Марини — смогли установить, что все материалы, дошедшие до нас, происходят от оригинала через общего посредника, то есть имеют общий ствол.

На базе филологических и текстологических исследований Валентин Розе уточнил обзор предыдущих ученых и выделил две фундаментальные рукописи — *Harleianus 2767* (H) и *Gudianus 69* (G). Именно эти манускрипты, по мнению Розе, были написаны первыми свидетелями

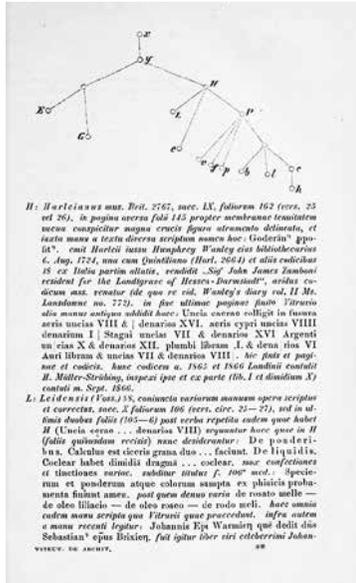
книг Витрувия и дошли до нас без серьезных пробелов. От них производны несколько других наиболее точных копий трактата, составленных не позднее X–XII веков.

Первая и самая древняя рукопись — *Harleianus 2767* [36, р. IX] появилась в IX веке и в настоящее время хранится в Британской библиотеке. В критическом аппарате Розе имеет аббревиатуру H. Согласно каталогу Британской библиотеки манускрипт значится как *Harley 2767* и является старейшей сохранившейся рукописью *De architectura* Витрувия времени Каролингов. Пергаментный манускрипт на 162 страницах написан на латинском языке и включает весь текст трактата Витрувия.

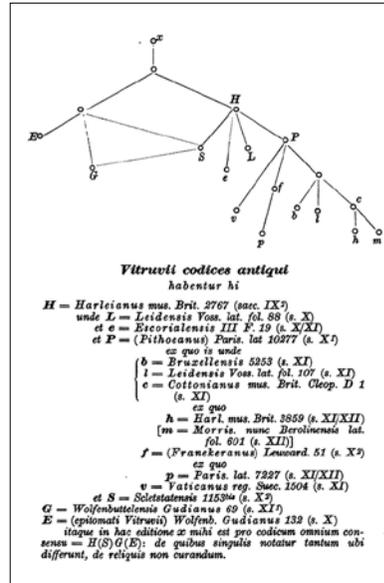
Другая старейшая рукопись, представляющая копию оригинала, — *Gudianus 69* [36, р. XI]. По Розе, она имеет аббревиатуру G и хранится в библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле за номером 69 (бывший — 931) [28, р. 48]. Этот кодекс датируется XI веком, содержит 84 страницы полного текста Витрувия и имеет минимальные исправления и корректировки переписчика. К этому же кодексу примыкает еще один важнейший старинный рукописный текст Вольфенбюттельской библиотеки — *Gudianus alter 132* [36, р. XI], в книге Розе обозначенный аббревиатурой E. Манускрипт относится к X веку, и его 108 страниц воспроизводят не всю работу Витрувия целиком, а представляют собой смесь части текста трактата античного архитектора и сочинения Цетия Фавентина [36, р. VI; 28, р. 48].

От фундаментальной рукописи — *Harleianus 2767* — отходят копии второго и третьего порядка, являющиеся, по утверждению Розе, наиболее надежными витрувианскими списками. Среди этих манускриптов ученый особенно выделяет собрание рукописных текстов Витрувия из Лейденского университета *Leidensis (Voss.) 88* [36, р. IX], датируемое X веком и обозначенное в критическом аппарате латинской буквой L. Также Розе обращает внимание на рукопись X века *Pithoeanus 10277* [36, р. X] из парижской Национальной библиотеки за номером 10277 с аббревиатурой P и кодекс *Escorialensis III. F. 19* [36, р. X] из Королевской библиотеки Эскориала в Испании с аббревиатурой e.

На основе тщательной критико-текстологической работы Розе представляет «схему» [36, р. IX] наиболее надежных и приближенных к первоисточнику древних манускриптов, по которым реконструирует оригинальный латинский текст античного сочинения. (Ил. 1.) Он восстанавливает подлинник трактата *De architectura* на основе тринадцати древних списков, при этом сноски по тексту издания конкретизируют

1. Валентин Розе. «Схема» аббревиатурных сокращений древнейших манускриптов трактата Витрувия
Ил. из кн.: [36, Pl. IX]

2. Валентин Розе. «Схема» аббревиатурных сокращений древнейших манускриптов трактата Витрувия
Ил. из кн.: [37, Pl. IX]

источники в виде аббревиатурных сокращений и содержат указания на выявленные ошибки и неточности. Предложенный Розе подход избавляет трактат Витрувия от прежних искажений и фактически позволяет читателю сформировать свое собственное представление о первоисточнике на основе древних рукописей и пояснений составителя. Следует обратить внимание, что издание Розе не содержит перевод трактата, иллюстрации, а также какие-либо авторские разъяснения теоретических взглядов Витрувия. Все это только подчеркивает основной замысел учебного — дать читателю подлинный, очищенный от позднейших напластований, латинский текст *De architectura*, основанный на древнейших, наиболее точных и надежных списках античного сочинения.

Работа, проделанная Розе, стала абсолютной новацией и была названа первым полным научно-критическим изданием Витрувия в Европе. Впоследствии, анализируя опыт «критического витрувианства»,

авторитетный ученый и автор монографий о Витрувии В. Закур писал, что с момента появления издания Розе всякий последующий перевод едва ли может претендовать на научную высоту, если он не учитывает его достижений [38, pp. 9–10]. Другой английский ученый и переводчик Витрувия Ф. Грейнджер полагал, что до появления издания Розе 1867 года витрувианские исследования были почти бесплодными для предыдущих поколений [25, p. XXXV].

После выхода книги Валентина Розе работа по усовершенствованию латинского подлинника Витрувия была продолжена другими учеными. В 1876 году в лейпцигском издательстве Тойбнера появился Индекс Витрувия немецкого ученого Германа Ноля [34]. Это своего рода кодификатор, цифровая реконструкция или список витрувианской терминологии на основе текста Розе. В составленном Нолем указателе также были оговорены положения и слова трактата, которые по-разному трактуются в редакции Розе и в древних списках.

Показательно, что через тридцать лет Розе в своем втором выпуске Витрувия использовал Индекс Ноля для удобства и полноты [37, с. VIII]. В предисловии к книге 1899 года Розе пояснял, что по просьбе лейпцигского издателя ему пришлось вновь обратиться к критической работе над текстом *De architectura*. После выхода первой публикации в 1879 году Розе была обнаружена важнейшая рукопись X века *Sclatstatensis* 1153 [37, pp. III, IX] из Гуманистической библиотеки Селесты за номером MR-17 (прежний — 1153), которая стала прекрасным дополнением к Витрувию 1867 года. В новой редакции ей была присвоена аббревиатура S. Критический аппарат второго издания расширился, в нем появились новые разделы, а кроме того, Розе скорректировал «схему» [37, p. IX] главных и наиболее точных рукописных кодексов сочинения Витрувия. (Ил. 2.) Таким образом, во втором выпуске Розе представил более усовершенствованный вариант латинского трактата *De architectura*. В связи с чем Л. Ваньетти называет его поистине совершенным, текстуально точным и фундаментальным для всех ученых-специалистов в области витрувианской теории [39, pp. 154–155, 157].

В XX столетии текстологическую работу с текстом Витрувия продолжил немецкий ученый Фридрих Крон. В 1912 году Тойбнер издал следующий вариант *De architectura* в его редакции [29]. В предисловии автор поясняет, что текст Витрувия по Валентину Розе можно считать прочным основанием для изучения античного сочинения, им же вносятся лишь коррективы, усовершенствующие проделанную работу

[29, р. VIII]. Крон модернизировал критический аппарат, предложил развернутую систему обозначений и более информативные примечания, отдельным списком оговорил места, пропущенные переписчиками, а также дал указания на положения, которые должны быть удалены из текста как несоответствующие первоисточнику [29, р. IX].

Труд Крона нельзя назвать новацией, скорее, Тойбнер решил отредактировать и усовершенствовать последнюю версию Розе, пригласив к работе уважаемого специалиста в области филологии [28, р. 60]. По мнению самого Крона, составленный им оригинальный латинский текст учитывает все самые последние научные достижения в области витрувианской теории. Согласно рецензии, вышедшей в 1913 году, переработанный текст Витрувия в редакции Крона назван научным, а кроме того, отмечены нововведения, появившиеся в критических пояснениях автора [23, pp. 179–180]. В то же время современный французский исследователь Пьер Гро считает, что если латинский текст Розе основан на «религиозном» уважении к традиции, то Крон допускает хоть и осторожное, но изменение расположений многих отрывков текста во имя логической последовательности и грамматической правильности [27, pp. 173–209].

Таким образом к началу XX века в европейском витрувианстве окончательно сформировался критико-филологический метод в изучении *De architectura*. Основанный на научной выверке древнейших кодексов трактата, максимально приближенных к первоисточнику, он становится отправной точкой для большинства последующих европейских переводов и комментариев Витрувия. Фундаментально выверенный латинский текст открывает новые возможности в изучении трактата и дает основу для новых выводов и утверждений, извлекаемых из его положений.

Европейские переводы и комментарии *De architectura* первой четверти XX века

Последующие европейские издания Витрувия — это комментированные переводы «Десяти книг об архитектуре» на французский, немецкий, английский и иные языки, сделанные на основе исследований Розе, Крона и других, более ранних авторов. Если критико-филологические издания Розе и Крона были нацелены на реконструкцию первоисточника Витрувия путем подбора и сопоставления старинных рукописей, то новейшие комментированные переводы Витрувия стремились к буквальной точности, историчности и дословности, а также

к разъяснению неясностей и противоречий, отталкиваясь от филологически выверенного текста трактата Витрувия.

В 1909 году вышел четырехтомный перевод и комментарий французского архитектора Огюста Шуази. Перевод был сделан по восстановленному латинскому тексту, при этом Шуази использовал редакцию Розе, наработки Шнайдера и собственные авторские пояснения в виде ссылок-примечаний. Стремясь к максимальной точности, Шуази подчеркивал, что его основная задача состоит в том, чтобы представить перевод — копию античного сочинения, в котором грамматика преобладает над теорией [24, с. VI]. Первый том парижского издания представляет всесторонний аналитический комментарий к Витрувию, структурированный по проблематике. Второй и третий тома включают латинский текст античного сочинения и его перевод на французский язык со ссылками на пояснительные примечания. В четвертом — помещено графическое изложение витрувианского трактата: многочисленные схемы, чертежи, не дошедшие до нас, но реконструированные Шуази рисунки античного архитектора.

Главной же заслугой Шуази, несомненно, являются его комментарии к трактату. Именно в этом аспекте его издание радикально отличается от всех ранее перечисленных критических публикаций Витрувия. На основе выверенного латинского текста, уже в первом томе Шуази представляет совершенно новый тип комментариев под названием «Анализ». Шуази отказался от традиционного толкования текста «книга за книгой» и предложил концептуализированный и изложенный современным архитектурным языком дайджест трактата Витрувия по отдельным вопросам архитектурно-инженерной проблематики. В своем «Анализе» Шуази впервые обратился к техническим секретам классической архитектуры, представив их в контексте комплексного изучения идей Витрувия.

Основная цель издания продиктована инженерным бэкграундом Шуази и желанием превратить теорию в практическое пособие на основании новейших технических решений и исправления ошибочных, как ему представлялось, данных. В материалах аналитического тома Шуази фактически решает две главные задачи: инженерно-научную и пропедевтическую. На основе текста Витрувия автор реконструирует строительную теорию римлян, подвергая ее проверке на внутреннюю связность путем перевода абстрактных описаний в строгие математические отношения, и доносит до читателя в максимально

структурированном и лаконичном виде то, что он сам понял из текста Витрувия. По мнению Шуази, необходимость комментариев вызвана сложной и небезупречной композицией трактата, отдельным пунктом оговаривается, что издание не стремится объяснить сочинение Витрувия с помощью архитектурных памятников эпохи, поскольку такой археологический подход может привести в сочинение идеи, которые не принадлежат ни времени, ни самому автору. В этой связи основная задача аналитического обзора видится в установлении последовательности фактов и восстановлении логики архитектурного мышления Витрувия [24, р. VI].

Ценность «Анализа» — в попытке Шуази создать инструмент, который позволил бы раскрыть витрувианские темы в их собственной сложности и многозначности. Аккумулируя разные сведения, раскиданные по трактату в соответствии с их проблематикой, Шуази решает поставленную задачу ровно так, как она представлялась актуальной историку-инженеру конца XIX — начала XX века. Этой же логике соответствуют иллюстрации Шуази, представляющие собой исключительно конструктивно-техническое изображение архитектурных элементов классики. Рисунки составляют отдельный четвертый том и собраны в компендиум на 95 страницах с пояснениями на оборотной стороне. Чертежи Шуази призваны максимально точно графически передать положения из тома «Анализ» и имеют к нему соответствующие отсылки.

Следующим переводом Витрувия стало англоязычное издание в редакции профессора классической филологии Гарвардского университета Мориса Моргана, опубликованное в 1914 году [33]. Книга вышла после смерти ученого усилиями Х. Уоррена и А. Ховарда. Последние годы своей жизни Морган посвятил переводу трактата на английский язык, а также подготовке комментариев и графического материала к нему. Морган практически завершил работу, лишь последние четыре главы десятой книги были исполнены А. Ховардом [33, р. III].

Перевод был сделан по изданию В. Розе в лейпцигской версии 1899 года [33, р. III]. Однотомник включал предисловие, *De architectura* на английском языке, иллюстрации, индекс терминов, однако латинскую версию Розе издатели публиковать не стали. Во вступительной статье составитель издания Альберт Ховард писал, что по убеждению Моргана перевод должен не просто воспроизводить суть книги, а давать как можно более ясную картину оригинала, работу ума автора [33, р. V]. Согласно взглядам профессора Моргана, Витрувий не был вели-

ким литератором, в некоторых местах его повествование неуверенное, в каких-то формальное, где-то грубоватое, временами — двусмысленное, но при этом Морган был абсолютно уверен в искренности Витрувия, серьезности и научности его архитектурного трактата. По этим причинам Морган избегал любых попыток трактовать или украшать язык Витрувия, намеренно сохраняя в своем переводе все перечисленные особенности изложения. Выпуск Моргана снабжен иллюстрациями, которые были тщательно подобраны самим автором.

Морган составил авторские примечания к трактату, но они не вошли в книгу, поскольку, по мнению составителей, были готовы частично, носили рукописный характер и не были упорядочены [33, р. III]. Тем не менее у читателей была возможность ознакомиться с идеями ученого в области витрувианской теории. В 1906 году вышли «Заметки о Витрувии» [32], а через три года появился сборник «Обращения и эссе» [31]. Работы содержали наиболее важные статьи Моргана, одна из которых — «Предисловие к Витрувию» [31, pp. 233–272] — на основе издания В. Розе 1899 года представляла подробнейший авторский анализ витрувианской терминологии и источников. Перечисленные труды вполне можно рассматривать как комментарии Моргана к Витрувию, где в отличие от архитектурно-инженерной направленности «Анализа» Шуази исследования носили историко-контекстуальный характер и в основном освещали лингвистическую проблематику, разбирая темы об источниках трактата, языке, стиле и терминологии.

В самом начале 1930-х годов в лондонском издании Лёба появилась еще одна англоязычная публикация *De architectura*. В 1931 году были напечатаны первые пять книг Витрувия в переводе доктора философии Фрэнка Грейнджера. Известная книжная серия Лёба, так же как классическая библиотека Тойбнера, специализировалась на выпуске древнегреческих и латинских текстов. Лёбовская серия была задумана американским банкиром Джеймсом Лёбом и первоначально публиковалась в Лондонском издательстве Уильяма Хайнемана, позднее книги стали выходить в издательстве Гарвардского университета. Однако в сравнении с Тойбнером серия Лёба имеет более доступный формат и упрощенный критический аппарат, предназначенный для более широкой аудитории. Двухтомное критическое издание Грейнджера включало вступление на английском языке, латинский текст Витрувия и его английский перевод на оборотной стороне листа, иллюстрации, а также индексы терминов трактата Витрувия.

Первый том предвосхищала большая вступительная статья Грейнджера, где автор декларировал, что подготовленное им издание должно позволить неспециалисту войти в тайны архитектурного мастерства Витрувия, проследить особенности и этапы изменений, происходивших с древними манускриптами трактата Витрувия. На титульном листе и в предисловии Грейнджер пояснял, что издание основано на старейшей латинской рукописи Витрувия из Британской библиотеки — *Harleianus 2767* [25, р. VII]. В своем переводе автор стремился сохранить живость и точность оригинала и не стремился к плавности стиля, чтобы читатель мог разглядеть гениальную фигуру Витрувия через его высказывания [25, с. VII]. Также автор использовал наработки прежних исследователей — древние манускрипты Витрувия, установленные В. Розе и Ф. Кроном, в том числе из библиотек Вольфенбюттеля и Селесты.

По мнению Грейнджера, Крон улучшил текст Розе во многих местах [25, р. XXIX], однако в своей работе английский специалист сознательно игнорирует некоторые исправления и дополнения, внесенные немецкими учеными. В отличие от Розе и Крона, полагавших, что кодексы G и H — это две основные, но независимые традиции, идущие от оригинала Витрувия, Грейнджер утверждал, что G — это просто редакция H, отличающаяся от него только в деталях [25, р. XVIII]. В этой связи Грейнджер пишет, что Розе и Крон согласны в том, что дошедшие до нас рукописи H и G представляют неизвестный оригинал Витрувия. Он же, Грейнджер, продвинул это еще на один шаг вперед, показав, что G — это сокращение H. Для E, G и S в его тексте использовались сопоставления по Розе и Крону [25, р. XXXII].

Таким образом, критическая работа Грейнджера с текстом Витрувия имела несколько иной подход и основывалась не на синтезе двух главных и второстепенных кодексов трактата, как у Розе и Крона, а на сопоставлении единственно важной, по Грейнджеру, рукописи *Harleianus 2767* с другими манускриптами. Фактически издание Грейнджера претендует на частичный пересмотр идей Розе и Крона и предлагает новое критико-филологическое обоснование в установлении единственно верного рукописного текста трактата Витрувия. По заявлению Грейнджера, именно его перевод и лежащая в его основе Харлианская рукопись представляют собой более точное изложение Витрувия, нежели предыдущие тексты [25, р. XVIII].

В 1934 году в редакции Грейнджера появился второй том Витрувия, содержащий латинский текст и английский перевод с шестой по деся-

тую книгу трактата. Большая вступительная статья к тому предлагала более развернутое объяснение в части выбора автором латинского текста *Harleianus 2767* как единственной основы для своего издания. Он пишет, что после проведенных им дополнительных исследований можно с достоверностью утверждать, что кодекс G представляет собой форму, которую Витрувий принял после ревизии текста H [26, р. XLV], то есть Харлианский кодекс 2767, по мнению Грейнджера, следует считать единственным правильным старым форматом трактата Витрувия [26, р. XLIII].

На этом основании Грейнджер высказывает более категоричную позицию относительно предыдущих критических изданий Витрувия, полагая, что нет необходимости в обширной переработке текста, предложенной Розе и Кроном [26, р. XLIII]. Правда, предлагая краткий обзор некоторых обнаруженных разночтений в манускриптах, Грейнджер как будто опровергает самого себя. Он пишет, что существует около пятнадцати случаев, когда кодекс G предлагает фразы или отдельные слова, не представленные в рукописи H. Также имеется много примеров, когда G вносит полезные и очевидные исправления в H, а кроме того, есть несколько серьезных искажений в обоих кодексах [26, р. XLIII]. Такого рода противоречия не остались без внимания и были отмечены в научном сообществе.

В 1934 году в журнале Кембриджского университета *The Classical Review*, специализировавшегося на обзоре новых работ в области литературы, искусства и науки классической древности, появилась рецензия на первый и второй том издания Грейнджера. Ее автор — Д. Робертсон — назвал английский перевод трактата Витрувия читабельным и энергичным, а введение к книге — причудливым, иногда притянутым за уши, но живым и оригинальным. Основным недостатком издания рецензент считает чрезмерное почтение Грейнджера к Харлианской рукописи 2767, а доводы и примеры переводчика относительно ее исключительности кажутся автору рецензии странными и недостаточно убедительными [35, pp. 228–229]. Похожего мнения придерживается современный французский исследователь Пьер Гро, полагающий, что использование Грейнджером в своем издании только рукописи *Harleianus 2767* создает неразрешимые проблемы [27, pp. 173–209].

Двухтомник Ф. Грейнджера сопровождали иллюстрации. Около двадцати изображений собраны в конце каждой книги и в значительной части посвящены машинам и механизмам. В примечаниях автор

подчеркивает, что хотел сделать их в духе самого Витрувия, в первую очередь для пояснения принципов, нежели для демонстрации деталей.

В этом разделе были проаннотированы практически все важнейшие критические издания европейского витрувианства, появившиеся во второй половине XIX — первой трети XX века. Эти новейшие исследования представляли собой яркую противоположность старым донаучным публикациям и предвосхитили появление первых критических переводов трактата Витрувия в России. Некоторые из перечисленных изданий были особенно отмечены русскими учеными и оказали непосредственное влияние на корпус переводов «Десяти книг об архитектуре» 1930-х годов.

II. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ «ДЕСЯТИ КНИГ ОБ АРХИТЕКТУРЕ» XX–XXI ВЕКОВ

Трактат Витрувия в редакции Всесоюзной академии архитектуры

Опыт, накопленный европейскими историками искусства в области изучения Витрувия, позволил ученым Всесоюзной академии архитектуры опереться на огромный объем уже имевшихся научных знаний. Преодолевая разрыв между отечественным и западным витрувианством, в 1936 году Академия архитектуры представила свой вариант критически переработанного издания «Десяти книг об архитектуре» в переводе Ф. А. Петровского. (Ил. 3.) Книга вышла в серии «Классики теории архитектуры» в рамках издательского проекта по переводу, комментированию и публикации трудов по классической архитектурной теории, начатого академией в 1934 году.

В основу русского издания Витрувия был «положен текст Крона... Для проверки переводчик и редактор пользовались лучшими переводами XIX и XX вв., а именно: немецкими — Лоренцена и Ребера, французским — Шуази и английским — Моргана, а также индексом Ноля» [2, с. 14]. В статье «От редакции» говорилось, что напечатанный текст — первый перевод Витрувия на русский язык, сделанный с латинского подлинника, а «известный перевод Каржавина, изданный Баженовым (1790–1797), сделан с французского перевода Перро и устарел не только по языку, но и потому, что устарели перевод и комментарии самого Перро» [2, с. 14].

Первый том включал краткие примечания к трактату с указанием, что они «носят справочный характер, не предвосхищая подробного ком-

ментария, которому будет посвящен второй том настоящего издания» [7, с. 75]. Краткие пояснения, занявшие немногим более ста страниц первого тома, в значительной степени основаны на положениях и графическом ряде издания О. Шуази. Редакция поясняла, что «остановила свой выбор на Шуази потому, что из всех новейших исследований Шуази наиболее интересен для архитектора, очень осторожен в своих гипотезах и дает много нового в вопросах о пропорциях и об их восприятии в античной архитектуре» [2, с. 14–15].

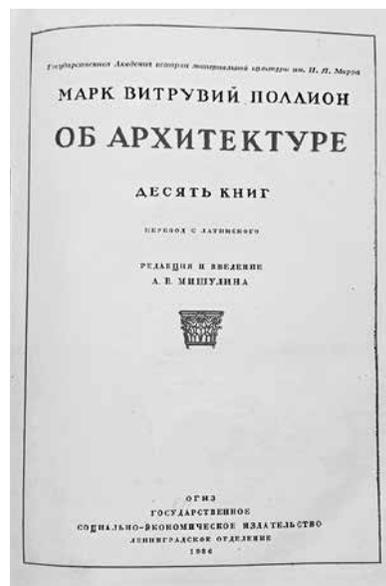
Отдельно следует упомянуть о рисунках к изданию: «...в качестве иллюстраций использованы наиболее существенные рисунки того же Шуази, поскольку они не навязывают читателю той или иной “художественной реконструкции” и являются не более, как подсобными, рабочими чертежами» [2, с. 15]. Всего в отечественных примечаниях насчитывается 161 рисунок. Удалось установить, что не все они восходят к Шуази и ряд иллюстраций идентифицируется по изданию Моргана: нотная таблица, отсутствующая у Шуази, но дающая одно из возможных и наиболее вероятных толкований диатонического музыкального строя по Витрувию [2, с. 272], а также графическое изображение диаграммы ветров [2, с. 223].

Объединив последние научные разработки Крона, Шуази, Моргана, задействовав другие известные издания Витрувия XIX–XX веков, публикаторы выпустили первый том трактата, представляющий собой прекрасный пример преемственности русской витрувианской школы по отношению к новейшим европейским научным достижениям. В то же время эта отечественная публикация Витрувия ни в коем случае не является «копией» или механическим воспроизведением европейских исследований. Почерпнув бесспорно актуальное и лучшее у зарубежных коллег, ученые Всесоюзной академии архитектуры представили собственную версию трактата, основанную на сложной аналитической работе с различными источниками.

Во-первых, взяв за основу латинскую редакцию Крона 1912 года, отечественные специалисты посчитали необходимым сопоставить некоторые положения его текста с другими более ранними критическими изданиями Витрувия XIX века, в частности Лоренцена, Ребера и Ноля. При этом издатели пояснили, что все отступления от текста Крона в пользу других чтений будут оговорены и обоснованы в текстологической части второго тома [2, с. 14]. В выбранном подходе очевидна самостоятельность русских ученых в области критико-лингвистической

3. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936 [2] Титульный лист

4. Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре десять книг / Пер. с лат., редакция и введение А. В. Мишулина. Л.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во, 1936 Титульный лист

и филологической работы с текстом Витрувия. Во-вторых, редакторы предложили совершенно иную структуру и систему изложения кратких примечаний: в отличие от французской версии, текст расположен в порядке «книга за книгой» Витрувия, а не по проблемам, как у Шуази. Рисунки и примечания составляют единый пояснительный текст, что является несомненным достоинством издания. Кроме того, были составлены удобные колонтитулы, с указанием на книгу и главу трактата, сильно облегчившие пользование томом при всякого рода справках [7, с. 75]. В-третьих, прямо указывая на противоречивость и несостоятельность некоторых смелых изысканий французского архитектора, авторы сознательно исключили из текста целый ряд филологически рискованных конъектур Шуази [7, с. 75].

Важнейшей частью примечаний издания Витрувия стало несколько пояснительных разделов, которые были расширены и дополнены, в том числе потому, что Шуази абсолютно не учел в своей работе археологический материал [2, с. 14]. И если во французском издании его автор сознательно отказался от археологического подхода в толковании Витрувия, то русские специалисты, напротив, не оставили этот вопрос без внимания. Так, в разделе об обустройстве частных зданий и закономерностях построения атриума и таблинума прямо говорилось, что подробный разбор греческого и римского частных домов будет дан во втором томе в свете археологических данных, поскольку материалы Шуази с этим аспектом совершенно не считаются [2, с. 288]. Кроме этого, положения о музыкальных пропорциях Витрувия в архитектуре (Книга V) снабдили комментариями и таблицами, кратко разъясняющими суть этой теории; так в русской версии появились изображения хроматического и гармонического музыкального строя [2, с. 272].

Таким образом, трактат Витрувия, выпущенный Всесоюзной академией архитектуры в 1936 году, стал самостоятельным критическим изданием в ряду таких же научных выпусков, появившихся в Европе в первой половине XX столетия и ориентированных на новую исследовательскую методологию и тщательное изучение первоисточников.

По-настоящему же новаторской работой в области «критического витрувианства» должен был стать второй том русскоязычного издания Витрувия, анонсированный редакцией. В предисловии сообщалось, что «подробный филологический, археологический, инженерно-архитектурный и исторический комментарии составят содержание второго тома настоящего издания» [2, с. 219].

О необходимости расширенных пояснений к трактату отмечалось в рецензии, подготовленной В. П. Зубовым; по его мнению, «такой сложный и темный текст, каковым является Витрувий» [7, с. 74–75], требует не дословного или литературного перевода, а специального подхода, где терминологическим, филологическим, техническим и другим вопросам было бы уделено достаточно внимания. Зубов пишет: «До сих пор ведь не существует издания Витрувия, которое во всех отношениях могло бы быть названо идеальным; филологическая наука — с одной стороны, архитектура и строительная техника — с другой, еще не договорились о Витрувии окончательно: филолог будет возражать против некоторых смелых поправок Шуази, архитектора не всегда удовлетворят чтения Крона» [7, с. 74]. По этой причине во многих ответственных

местах трактата вполне допустимо и оправданно разнообразие толкований Витрувия.

Именно В. П. Зубов работал в Академии архитектуры над созданием «идеальных комментариев». По замыслу, двухтомник должен был дать «подлинного Витрувия на основании новейших филологических изысканий и совершенный научный комментарий к нему» [1, с. VII], а кроме этого, содержать архитектурно-строительный анализ, проливать свет на историю многих ошибок в толковании Витрувия, служить «лучшим средством ознакомления с витрувианской терминологией даже для человека, который мало знаком с латинским языком» [7, с. 74–75]. Планировался раздел, посвященный обзору наиболее ценных комментариев к Витрувию от XV до XX века, а также указатели, библиография и репродукции античных памятников и наиболее интересных иллюстраций к прежним изданиям [2, с. 15]. Все это позволяет говорить о том, что в научном отношении комментарии второго тома должны были стать новым словом в изучении Витрувия, поскольку ничего подобного в истории ни отечественного, ни зарубежного витрувианства к этому времени предпринято не было.

Судя по информации к изданию Даниеле Барбаро [1], новые расширенные комментарии к Витрувию были готовы в 1938 году: «II том русского издания Витрувия, подготовленный нами к печати, будет содержать подробный словарь-указатель терминов и понятий... к тексту Витрувия» [1, с. IX]. К сожалению, это исследование, как и многие другие работы В. П. Зубова, не увидело свет. В настоящее время рукописный текст комментариев ко второму тому Витрувия, подготовленный В. П. Зубовым, хранится в личном архиве дочери ученого, профессора МАрХИ М. В. Зубовой. Причины, по которым труд не был напечатан, Марии Васильевне неизвестны³.

Несмотря на то что второй том Витрувия так и не был опубликован, главные цели и задачи в работе над сочинением Академия архитектуры все-таки реализовала. Появившийся через сто пятьдесят лет новый полный перевод, сделанный по оригинальному критически переосмысленному латинскому тексту трактата, показал исторический текст Витрувия. На материале западных исследований XIX–XX столетия Академия архитектуры создала первую оригинальную русскую

3 Эти сведения сообщены автору М. В. Зубовой в личной беседе.

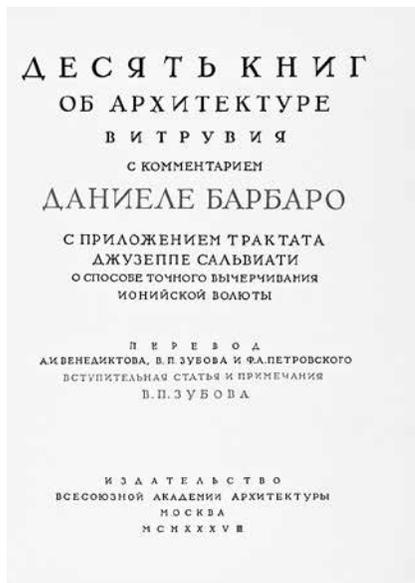
критическую редакцию трактата Витрувия, представляющую синтез искусства, техники, натурфилософии, филологии и отражающую прежде всего эпоху и культуру античности.

Интересно, что в 1930-е годы еще одна научная институция в СССР работала над переводом Витрувия. Почти одновременно с выпуском Всесоюзной академии архитектуры появился перевод «Десяти книг», сделанный Государственной академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под редакцией А. В. Мишулина [11]. (Ил. 4.) Издание ГАИМКа не получило широкую поддержку в архитектурных кругах, было критически воспринято искусствоведческим сообществом и оценено как «неудовлетворительное» [7, с. 74]. Однако сегодня этот вопрос остается дискуссионным, поскольку некоторые современные исследователи полагают, что именно «перевод А. В. Мишулина сохранил первоначальную терминологию и другие важные подробности текста подлинника» [5, с. 36].

Для нашего же обзора важнее другое обстоятельство — переводчики Академии истории материальной культуры, как и сотрудники Всесоюзной академии архитектуры, были нацелены на новую научную редакцию трактата, взяв за основу критически переработанный латинский подлинник Витрувия в редакции Розе и Крона: «Предлагаемый нами перевод Витрувия сделан в основном по критическому и полному изданию его текста Розе 1867 года» [11, с. 17], перевод «3-й, 4-й, 5-й и 9-й книг... (по тексту Крона)» [11, с. 18]. Том был снабжен «Указателем имен и предметов», а значительная часть иллюстраций подобрана по версии Моргана. Редакция анонсировала выход пояснительных материалов: «вслед за изданием текста Витрувия последует издание комментариев, которые стоят в плане научно-исследовательской работы Московского отделения ГАИМК» [11, с. 18]. Заявленные публикации так и не появились, однако сам перевод трактата, несомненно, является еще одним критическим выпуском Витрувия, изданным в СССР.

«Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро» в редакции Всесоюзной академии архитектуры

«Имя Даниеле Барбаро почти всегда упоминается в связи с именем Витрувия, но фигура Барбаро в целом никогда еще не была предметом самостоятельного и всестороннего изучения... и высокая оценка, которую многие места в “Комментарии к Витрувию” получили у новейших исследователей... заставляет заинтересоваться этим венецианским

5. Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938 [1] Титульный лист

гуманистом-ученым» [6, с. 107]. Именно с этих слов начинается статья В. П. Зубова, посвященная переводу трактата «Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро», и фактически обосновывающая причину, по которой академия посчитала необходимым проделать эту работу.

«Комментарий Барбаро» вышел в серии «Классики теории архитектуры» в 1938 году. (Ил. 5.) Это сочинение никогда ранее не переводилось не только на русский язык, но и ни на какой другой европейский язык. Над переводом работали В. П. Зубов, А. И. Венедиктов, Ф. А. Петровский, взяв за основу первую редакцию трактата Барбаро на итальянском языке 1556 года [20]. Также были задействованы второе издание на итальянском языке [21] и первая латинская версия [22], появившиеся через одиннадцать лет с изменениями и дополнениями, внесенными Барбаро к первоначальному тексту трактата. Работа Барбаро — «это не диспарат-

ные подстрочные примечания, а... связанный комментарий, где текст Витрувия сцементирован с пояснениями в одно целое: текст Витрувия и комментарий Барбаро читаются, как одна книга» [1, с. VII].

Очевидно, что для отечественных издателей решение о переводе трактата Барбаро было не случайным. Редакторы поясняют, что этот исторический документ впервые предлагал современному читателю интерпретацию Витрувия в эпоху Ренессанса — «каков был тот Витрувий, которого брали себе в учителя теоретики Возрождения» [6, с. 108]. По этой же причине выбор пал на лучший вариант изложения *De architectura* XVI столетия, в значительной степени преодолевающий недостатки предыдущих выпусков Витрувия. По мнению издательства, трактат Барбаро — это образец витрувианского комментария XVI–XVII веков, по которому «историк архитектуры лучше всего может судить о понимании Витрувия, типичном для эпохи Возрождения» [1, с. V], кроме того, это «первый пригодный перевод Витрувия, который удовлетворил запросам как архитекторов, так и литераторов» [1, с. XXIV].

Помимо научно-исторической ценности труд Барбаро вполне мог иметь для публикаторов прикладной характер, поскольку давал многое для понимания Витрувия, «не утратившее свое значение до настоящего дня» [1, с. V]. Труд был интересен, «как яркая страница критического и творческого витрувианства» [6, с. 107], которая могла оказаться полезной в том числе и для современного толкования текста. Дело в том, что перевод и комментарий Барбаро — это обновленный Витрувий, подвергшийся критическому переосмыслению представителем позднего Возрождения, где разбираются вопросы архитектурной эстетики Витрувия, сложные технические моменты и классические каноны архитектурных ордера. Отталкиваясь от идей Аристотеля, венецианский ученый впервые интерпретирует античную теорию без привлечения мифологии. При этом комментарий строится на обосновании и разъяснении законов строительного искусства, характерных именно для римской архитектуры, воссоздаваемых им на основании теории Витрувия. Для Барбаро наука об архитектуре заключается прежде всего в попытке понять рассуждения самого Витрувия, на базе которых он развивает частные концепции, свободные от фантазий и слабо аргументированных интерпретаций. Таким образом, будучи значимой частью европейского корпуса витрувианских знаний, «Комментарий Барбаро» стал для специалистов Всесоюзной академии архитектуры наиболее актуальной работой, перевод которой позволял вникнуть

в самые сложные положения трактата Витрувия, детально изучить и понять наиболее «темные» места античного текста.

«Комментарий Барбаро» — нетривиальное и фундаментальное издание Академии архитектуры, в котором впервые была проделана филологическая и критическая работа с текстом. Так, пытаясь преодолеть разрыв между итальянским изданием 1556 года [20] и последующими публикациями трактата на итальянском и латинском языках 1567 года [21; 22], переводчики выявили существенные расхождения между положениями всех трех публикаций. В связи с чем в «русскоязычном Барбаро» в конце книги появилось приложение «Основные дополнения и изменения, внесенные Даниеле Барбаро во второе итальянское и латинское издания» [1, с. 389], где были собраны существенные вставки и изменения этих публикаций, при этом мелкие разночтения между тремя выпусками трактата были отмечены на полях текста. Также в русском переводе впервые были выделены соответствующие итальянские термины оригинала, которые должны были подчеркнуть достоинство, выработанного Барбаро итальянского научно-технического языка [1, с. VIII].

Сам текст Витрувия редакция представила в переводе Ф. А. Петровского по Крону «со внесением всех существенных особенностей перевода Барбаро, а именно: всех тех изменений, которые нашли отражение в комментарии Барбаро или в его рисунках. Второстепенные особенности перевода Барбаро, и не нашедшие отражения в его комментариях, не сохранены» [1, с. VIII]. Важнейшие расхождения между трактатом Барбаро и современным переводом Витрувия были также оговорены на полях, «а по-латыни список этих разночтений помещен в конце книги. Что касается неправильностей или своеобразного понимания отдельных мест и терминов в переводе Барбаро... то они оговорены в примечаниях» [1, с. VIII]. В результате в русской версии трактата Барбаро появился специальный раздел «Главнейшие расхождения латинского текста Витрувия в изданиях Барбаро и Крона» [1, с. 469–470]. Согласно заявлению редакции, вся работа по уточнению ссылок и выявлению источников Барбаро была проделана В. П. Зубовым [1, с. IX].

Кроме этого, русскоязычный «Комментарий Барбаро» вышел с пояснительными примечаниями В. П. Зубова к трактату, книга также содержала перечень произведений и писем венецианского ученого, подробный список литературы о Барбаро, портреты и таблицу родственных связей аквилейского патриарха, указатели имен и предметов, развернутую статью-эссе «Жизнь и ученая деятельность Даниеле Бар-

баро», обобщающую практически все, что было известно о венецианце к этому времени, а также перевод трактата Джузеппе Сальвиати «О способе точного вычерчивания ионической волюты». Этот пункт построения волюты ионической капители в трактате Витрувия традиционно считается одним из наиболее сложных для понимания, и появление в издании Барбаро текста Сальвиати, безусловно, пролило свет на это достаточно запутанное место *De architectura*».

Проделав сложную работу и изучив эту «новую архитектурную энциклопедию» [1, с. V] эпохи Ренессанса, Академия архитектуры предложила по-настоящему новаторский и универсально-исторический подход в работе над сочинением. В русском издании Барбаро был представлен сравнительный анализ культуры античности с теоретическими, историческими и художественными взглядами периода Ренессанса. Комментируя философские идеалы, архитектурные каноны и терминологию Витрувия и Барбаро, издательство предложило сравнительный исторический анализ двух эпох с точки зрения развития архитектурной науки, витрувианской теории и строительной практики.

Таким образом, специфика рассмотренной публикации позволяет говорить о том, что издание Барбаро стало в отечественном искусствоведении беспрецедентным примером серьезной источниковедческой работы и применения различных методов исторического анализа при сопоставлении разновременных публикаций Барбаро, установлении наиболее приближенных к оригиналу положений текста Витрувия и сравнении архитектурно-теоретических взглядов эпохи Ренессанса и античности. Фактически перевод «Комментария Барбаро» вместе с трактатом «Десять книг об архитектуре» Витрувия представляют собой первый взаимообусловленный русскоязычный корпус научно-критических витрувианских изданий.

Новшества, родившиеся в процессе этой работы, впоследствии были восприняты европейскими переводчиками и исследователями сочинения Барбаро. Устоялось мнение, что восточноевропейская архитектурная теория и практика демонстрирует преемственность и даже зависимость от идей и традиций Западной Европы. Однако в случае с «Комментарием Барбаро» мы наблюдаем иную картину. Так, более поздние западные издания Барбаро унаследовали от советских редакторов идею по преодолению разночтений двух подлинных текстов трактата на итальянском и латинском языках. Согласно исследованию Бранко Митровича подобная работа была проделана М. Морреси, который

в своем эссе «Два издания комментариев Даниеле Барбаро, 1556–1567» представил описание различий между указанными версиями Барбаро к Витрувию. В свою очередь, более современная публикация «Комментария Барбаро» под редакцией Манфредо Тафури, преодолевая разрыв между изданиями 1556 и 1567 годов, учитывает эссе М. Морреси. При этом, по мнению Митровича, советское издание 1938 года, фактически воспроизводящее на русский язык все отличающиеся друг от друга разделы, имеет очевидные преимущества [30, с. 248].

Витрувий в современном отечественном искусствознании

Современное искусствознание и сегодня опирается на достижения Всесоюзной академии архитектуры. На протяжении долгих лет первый том трактата Витрувия «Десять книг об архитектуре» в редакции 1936 года неоднократно переиздавался, а его последний репринт вышел в 2006 году в издательстве «Архитектура-С» [4]. В период с 2003 по 2023 год издательская группа «УРСС» при участии Российской академии архитектуры и строительных наук, а также Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства в серии «Из истории архитектурной мысли» представила новую редакцию «Десяти книг об архитектуре» [3]. В основу этого издания был также положен перевод Ф. А. Петровского. Однако существенным отличием книг «УРСС» стали исправления и уточнения, внесенные в текст трактата согласно списку опечаток, приложенному к изданию Всесоюзной академии архитектуры 1936 года [2, с. 4]. В аннотации ко второму и последующим изданиям редакторы группы «УРСС» поясняют, что «в настоящее издание внесены исправления и уточнения, подготовленные выдающимся русским ученым, историком науки В. П. Zubовым (1900–1963), любезно предоставленные его дочерью М. В. Zubовой» [3].

За прошедшие десятилетия в России появились исследования, посвященные научному анализу теории Витрувия. Самые ранние вышли практически сразу за критическими изданиями 1936 года и принадлежат ученым, работавшим над переводом трактата. Это статьи В. П. Zubова, А. В. Мишулина и Г. П. Полякова, напечатанные в советских журналах по архитектуре и искусству с 1938 по 1947 год, среди них: «Первые русские переводы Витрувия» [8], «К истории витрувианства на Западе и у нас» [16], «Витрувий и Август (К проблеме Витрувия, как исторического источника)» [15], «Источники трактата Витрувия “Об архитектуре”» [14], «Витрувий и источники X книги трактата» [13].

Во второй половине XX — начале XXI столетия вышли такие книги, как «Витрувий и Эллада. Основы античной архитектурной теории» Б. П. Михайлова [12], «Колхидское жилище по Витрувию» Л. З. Сумбадзе [18], «Эстетика архитектурного ордера. От Витрувия до Катрмера де Кенси» Л. И. Таруашвили [19], «Новейшие комментарии к трактату Витрувия “Десять книг об архитектуре”» Г. С. Лебедевой [10], «Чертежи и схемы по описаниям в трактатах Марка Витрувия Поллиона “Десять книг об архитектуре” и Леона Баттиста Альберти “Десять книг о зодчестве”» М. В. Степанова [17].

Вышеперечисленные публикации представляют авторские толкования трактата по выбранной проблематике. Так, например, Михайлов видит свою задачу в том, чтобы раскрыть античную теорию архитектуры, основываясь «на представлениях самих творцов великих произведений античного зодчества... проникнуть в систему мышления древних греков и вскрыть смысл основных понятий античной теории». [12, с. 6]. Сумбадзе «ставит своей целью исследовать текст античного автора о колхидском доме», что должно способствовать прояснению вопроса, связанного с происхождением и развитием древнейшего типа грузинского дарбазного жилья [18, с. 5]. Таруашвили стремится «наметить путь к адекватной ретроспективе ордера», рассмотрев его природу в основных письменных источниках и архитектурно-теоретических трактатах, начиная с Витрувия [19, с. 9]. Лебедева «предлагает взглянуть на содержание трактата в целом из XX–XXI вв.», рассмотрев его положения в таких категориях, как «природа и искусство», «природа и практика», «ясное и темное» и других [10, с. 3]. Степанов снабдил трактаты Витрувия и Альберти чертежами и схемами, выполненными по текстам этих сочинений. По мнению автора, ранее такую задачу исследователи перед собой не ставили [17, с. 6].

При явном разнообразии рассмотренных тем остается констатировать, что новых комментариев по последовательному толкованию оригинального латинского текста «Десяти книг об архитектуре» за прошедшие годы так и не появилось. Следовательно, Витрувий в редакции Всесоюзной академии архитектуры остается первым и единственным отечественным изданием, располагающим примечаниями, поясняющими текст трактата в порядке «книга за книгой».

Одним из последних изысканий в области отечественного витрувианства стал проект «Московский Витрувий», организованный в 2019 году ГМИИ им. А. С. Пушкина. Идея направлена на всестороннее

изучение венецианского экземпляра *De architectura* на латинском языке 1511 года, хранящегося в Научной библиотеке музея. В ходе работы над проектом вышла статья, в которой на основании анализа помет, сопоставления образцов почерка, стилистики и других данных авторы приходят к выводу, что рукописные маргиналии на трактате Витрувия принадлежат Даниеле Барбаро [9, с. 264]. В настоящее время работа над проектом продолжается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русского витрувианства приближается к своему трехсотлетию. За это время отечественными учеными, архитекторами, искусствоведами была проделана основательная работа по изучению античного сочинения Витрувия, в результате которой сформировался русскоязычный корпус переводов, комментариев и публикаций трактата *De architectura*. Однако по-настоящему научные исследования в этой области появились в стране только во второй трети XX столетия, когда усилиями Всесоюзной академии архитектуры в 1936 году вышло первое критическое издание «Десяти книг», основанное на реконструкции, переводе и комментарии латинского текста. Эта публикация и сегодня остается самой востребованной русскоязычной редакцией Витрувия и лежит в основе практически всех последовавших за ней отечественных изданий *De architectura* и исследований в области витрувианской теории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барбаро Д. Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. С приложением трактата Джузеппе Сальвиати «О способе точного вычерчивания ионической волюты» / Пер. А. И. Венедиктова, В. П. Зубова, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938.
2. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. Т. I. Текст трактата. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936.
3. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. с латинского Ф. А. Петровского. 2-е изд., исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. Репринтное изд. М.: Архитектура-С, 2006.
5. Долгов А. В. Два перевода трактата Витрувия — два смысла // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 1. С. 36–39.
6. Зубов В. П. Даниеле Барбаро и его комментарий к Витрувию // Архитектура СССР. 1937. № 7/8. С. 107–109.
7. Зубов В. П. Два новых перевода Витрувия // Архитектура СССР. 1936. № 11. С. 74–75.
8. Зубов В. П. Первые русские переводы Витрувия // Архитектура СССР. 1938. № 5. С. 86–87.
9. Игошина Е., Аникьев И., Маркова А. Комментарии Даниеле Барбаро на полях издания Витрувия 1511 года из ГМИИ им А. С. Пушкина: путь атрибуции и опыт датировки // Искусствознание. № 1. 2021. С. 264–297.
10. Лебедева Г. С. Новейшие комментарии к трактату Витрувия «Десять книг об архитектуре». М.: Едиториал УРСС, 2003.
11. Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре десять книг / Пер. с лат., ред. и введение А. В. Мишулина. Л.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во, 1936.
12. Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. Основы античной архитектурной теории. М.: Стройиздат, 1967.
13. Мишулин А. В. Витрувий и источники X книги трактата // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 60–77.
14. Мишулин А. В. Источники трактата Витрувия «Об архитектуре» // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 76–91.
15. Поляков Г. П. Витрувий и Август (К проблеме Витрувия, как исторического источника) // Вестник древней истории. 1938. № 4(5). 146–160.

16. Поляков Г. П. К истории витрувианства на Западе и у нас // Вестник древней истории. 1938. № 2(3). С. 138–144.
17. Степанов М. В. Чертежи и схемы по описаниям в трактатах Марка Витрувия Поллиона «Десять книг об архитектуре» и Леона Баттиста Альберти «Десять книг о зодчестве». СПб.: Зодчий, 2020.
18. Сумбадзе Л. З. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1960.
19. Таруашвили Л. И. Эстетика архитектурного ордера: От Витрувия до Катрмера де Кенси. М.: Architectura, 1995.
20. Barbaro D. I dieci libri dell'Architettura di M. Vitruvio tradutti et commentati da Monsignor Barbaro, eletto Patriarca di Aquileggia. Con due tavole, l'una di tutto quello che si contiene per i capi dell'opera, l'altra per dicharazione di tutte le cose d'importanza. Venezia: Francesco Marcolini, 1556.
21. Barbaro D. I dieci libri dell'Architettura di M. Vitruvio tradutti et commentati da Monsig. Daniel Barbaro eletto Patriarca di Aquileggia. Da lui Riveduti ed ampliati et hora in piu commode forma ridotti. Venezia: Francesco de' Franceschi, 1567.
22. Barbaro D. M. Vitruvii Pollionis De architectura libri decem, cum commentariis Danielis Barbari Electi Patriarchae Aquileinensis; multis aedificiorum, horologiorum, et machinarum descriptionibus, & figuris, unà cum indicibus copiosis, auctis & illustrates. Venezia: Francesco de' Franceschi, 1567.
23. Dobson J. F. [Review] Vitruvii de Architectura Libri Decem / Ed. F. Krohn. Leipzig: Teubner, 1912 // The Classical Review. 1913. Vol. 27. Iss. 5. Pp. 179–180.
24. Ghoisy A. Vitruve. T. I–IV. Analyse. Paris: Imprimerie- Librairie Lahure, 1909. T. I.
25. Granger F. Vitruvius. On Architecture in Two Volumes / Ed. by F. Granger. Vol. I. Cambridge (MA): Harvard university press, London: William Heinemann LTD, 1931.
26. Granger F. Vitruvius. On Architecture in Two Volumes / Ed. by F. Granger. Vol. II. London: William Heinemann LTD, New York: G. P. Putnams Sons, 1934.
27. Gros P. Vitruve et la tradition des traités d'architecture *Fabrica et ratiocinatio*. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2006.
28. Krinsky C. H. Seventy-Eight Vitruvius Manuscripts // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1967. Vol. 30. Pp. 36–70.

29. Krohn F. Vitruvii. De architectura libri decem / Edidit F. Krohn. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1912.
30. Mitrovic B. Studying Renaissance Architectural Theory in the Age of Stalinism // I Tatti Studies. 2009. Vol. 12. Pp. 233–263.
31. Morgan M. H. Addresses and Essays. New York: American Book Company, 1909.
32. Morgan M. H. Notes on Vitruvius // Harvard Studies in Classical Philology. 1906. Vol. XVII. Pp. 1–14.
33. Morgan M. H. Vitruvius. The Ten Books on Architecture / Translated by M. H. Morgan with illustrations and original designs. Cambridge: Harvard university press, London: Humphrey Milford, 1914.
34. Nohl H. Index Vitruvianus. Lipsiae: sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1876.
35. Robertson D. S. [Review] The Loeb Vitruvius. Vitruvius on Architecture / Ed. and translated into English by F. Granger <...> In two volumes. London: William Heinemann // The Classical Review. 1934. Vol. 48. Iss. 6. Pp. 228–229.
36. Rose V. Vitruvii. De Architectura Lebrri Decem / Ad antiquissimos codices nunc primum ediderunt Valentinus Rose et Hermann Müller-Strübing. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1867.
37. Rose V. Vitruvii. De Architectura Lebrri decem / Iterum edidit V. Rose. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1899.
38. Sackur W. Vitruv und die Poliorketiker. Vitruv und die Christliche Antike. Bautechnisches aus der Literatur des Altertums. Berlin: Wilhelm Ernst & Sohn, 1925.
39. Vagnetti L., Marcucci L. Per una coscienza vitruviana, regesto cronologico e critico. In 2000 anni di Vitruvio. Florence: Edizione della Cattedra di Composizione Architettonica IA della Facoltà di Architettura di Firenze, 1978 (Studi e documenti di architettura, No. 8).